

ВЕПСКИЕ ЭТНОНИМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *

В этнонимах, называющих вепсов, различаются три уровня: вепские самоназвания, неофициальные и официальные русские наименования, которые к тому же не статичны. На разных временных срезах этнонимы менялись. К сожалению, сейчас уже невозможно получить полную достоверную картину функционирования традиционных самоназваний, поскольку она смазана проникшими в вепскую среду официальными наименованиями и забвением традиционных этнонимов. Тем не менее привлечение данных вепских диалектов, а также известных письменных свидетельств позволяет составить карту (рис. 1), которая демонстрирует явные следы ареальной дистрибуции вепских этнонимов.

Вепские самоназвания

Карта свидетельствует о том, что сквозным образом через всю вепскую территорию проходит этноним *vepsad* – вепская трансформация русского *вепсы*. На такой характер этнонима указывает сам его облик – форма мн. числа от основы *veps-*. В соответствии с традиционной прибалтийско-финской моделью показатель мн.ч. должен присоединяться к этнонимной основе, оформленной суффиксом *-lainen* (фин.) /*-laine* (вепс.): *ven'al'ne* 'русский', *vepsl'äine* 'вепс' [СВЯ]. Иначе говоря, у формы *vepsad* нет глубоких исторических корней. Показательно, что ее не приводят ни источники первой половины XX в., ни даже СВЯ, основанный, главным образом, на сборе полевого материала в 1960-х гг.

Известно, что на официальном уровне в русском языке этноним *вепсы* утвердился в 1930-е гг., в период национально-государственного и языкового строительства, сначала в научной и справочной литературе, а затем постепенно и в сознании носителей вепского языка [Пименов, Строгальщикова, 1989, с. 7]. Активное вхо-

* Статья выполнена в рамках гранта РНФ №12-04-00081, проект «Формирование диалектных ареалов вепского языка» и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей» (2016–2017).

ждение его в вепсское языковое функционирование произошло, очевидно, только в последние десятилетия в связи с процессами национального возрождения конца XX – начала XXI в. При этом, однако, нельзя исключать, что за какими-то из фиксаций *vepsad* стоит более раннее наименование *vepsleized*, образованное в соответствии с традиционной прибалтийско-финской моделью.

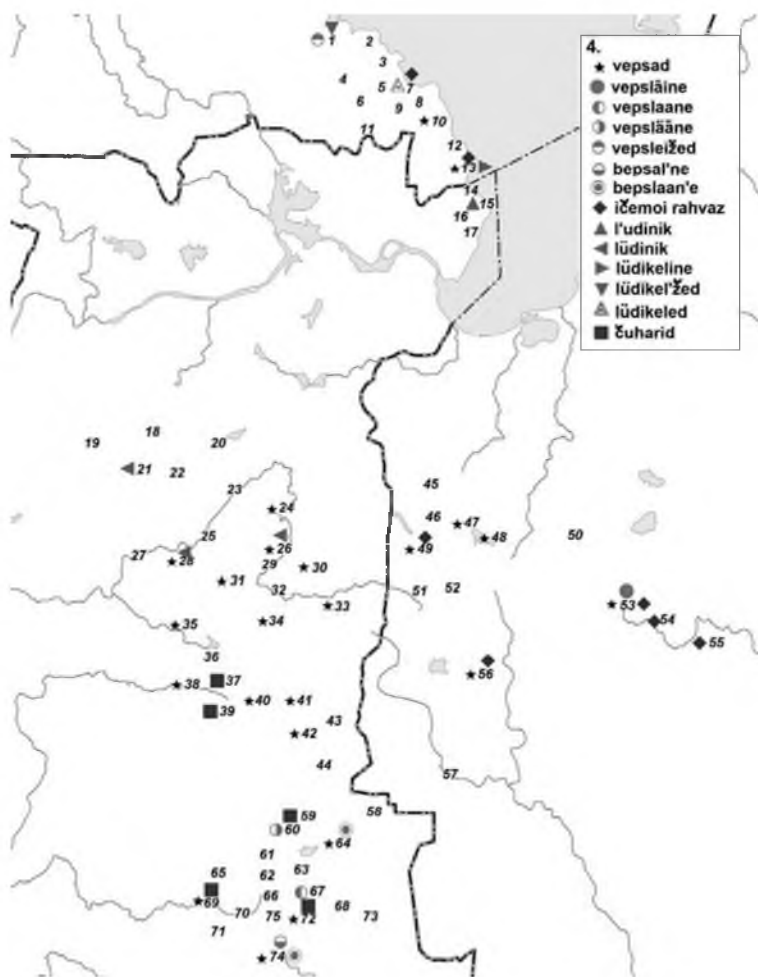

Рис. 1. Самоназвания вепсов

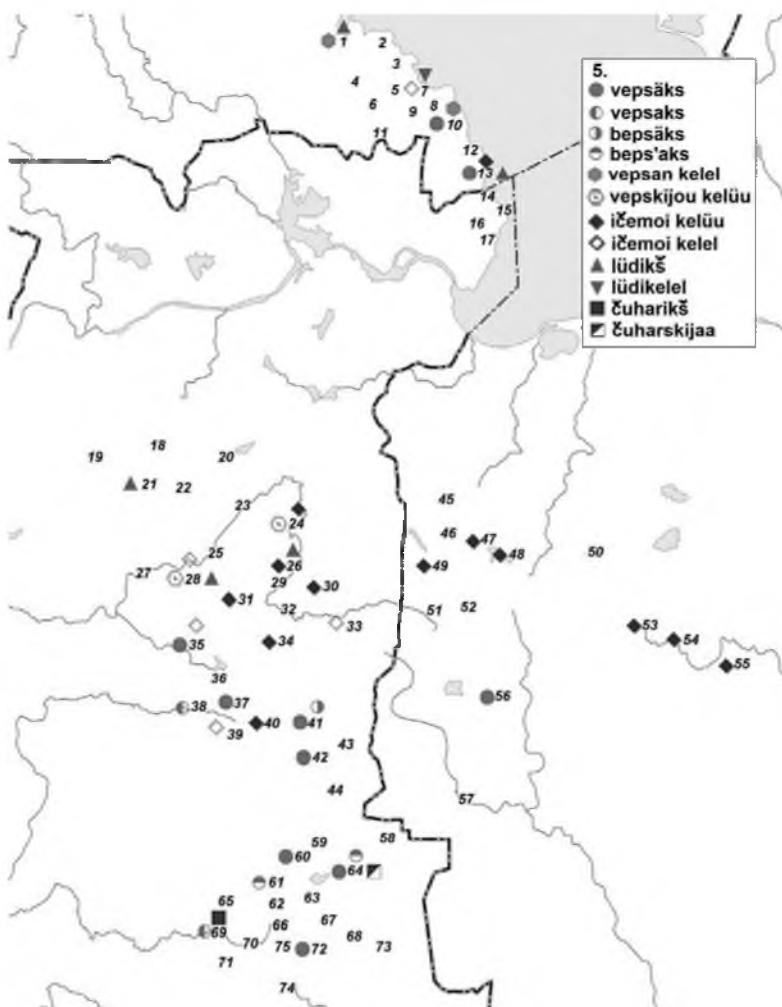

Рис. 2. Вепские названия своего языка

Последнее в виде целого ряда фонетических вариантов фиксируется преимущественно в южновепском ареале. При этом материал карты по самоназваниям явно перекликается с картой, показывающей бытование в вепской среде названий своего языка (рис. 2). Южный ареал этнонима *vepslaažed* получает убедительное

подкрепление на языковой карте: *bast'a vepsäks / bepsäks* ‘говорить по-вепски’ однозначно господствует в ареале расселения южных вепсов. Как название языка основа представлена, кроме южновепских говоров, также в переходных говорах верховий Капши. Образуется, таким образом, довольно убедительный компактный ареал с границами в пределах Тихвинского уезда Новгородской губернии. Севернее есть отдельные фиксации, которые могут быть как изначальными, так и поздними. Так, СВЯ отмечает *vepsläine* в Пондале, однако вследствие отсутствия ареала не ясно, является ли этноним здесь традиционным или это новое слово, усвоенное из официальной практики первой половины XX в.

Севернее вырисовывается не вполне насыщенный, но тем не менее достаточно убедительный ареал образований от основы *lūdi*. Прионежские вепсы, а также представители западных говоров приотских вепсов в пределах бывшей Олонецкой губернии называют себя людиками (*lūdinik, lūdikeline*, букв. ‘говорящий по-людиковски, т. е. по-вепски’), а свой язык соответственно людиковским (*lūdikel* ‘вепский язык’, *pagišta lūdikš* ‘говорить по-вепски’). Южная граница бытования этнонима накладывается на границу, разделявшую в прошлом Олонецкую и Новгородскую губернии. При этом следует отметить более широкое бытование этнонима на территории Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии в прошлом. Николай Лесков, обследовавший здесь в конце XIX в. около двух десятков вепских поселений, сейчас исчезнувших или обрусевших, констатировал, что жители «себя называют *ljuvdiköt*, а язык свой *ljuvdikönkeli*, – так же точно, как называют себя корелы» [Лесков, 1895]. Свидетельство Н. Лескова важно тем, что фиксирует утраченный вепскими говорами вариант **lūdikod* ‘людики’, сопоставимый с кар.-люд. *lūudikoi*, в которых использован традиционный для называния человека прибалтийско-финский формант *-kko /-kko/- /-k*, ср. фин. *savakko* ‘савакот, т. е. представитель саво’, ижор. *ingerikkoi* ‘ижорин’ [IMS], вепс. *norik* ‘молодуха, молодая жена’, *ven'ak* ‘русская женщина’ [СВЯ]. Судя по данным финских источников XIX в., в северновепской среде бытовал и другой традиционный в смысле структурного облика вариант этнонима *lūdilain'e* [SSA, статья *lyudi*] с суффиксом *-lain'e*. На этом фоне современные варианты, видимо, имеют более позднее происхождение. Средневепский *lūdinik* включает в свой состав русский по

происхождению формант *-nik* < рус. *-ник* и возник, возможно, в ходе обкатки вепсского термина русским языком, введшим его (**lūdik*) в ряд русских обозначений человека, оформленных суффиксом *-ник*, с последующим возвращением русифицированного этнонима в вепсское бытование. В этом же ряду *ven'anik* 'русский' [СВЯ]. Вторичный характер и у северновепсского *lūdikeline*, 'говорящий по-людиковски (т. е. по-вепски)' – производного от сложного по структуре существительного *lūdi/kel* 'людиковский (т. е. вепсский) язык'.

На юго-западной границе вепсского ареала, в административных границах исторического Тихвинского уезда Новгородской губернии в качестве самоназвания бытует этноним *čuhar'*, мн. ч. *čuharid*, воспринятый из смежных русских говоров. Он известен и на других вепсских территориях, однако не в качестве самоназвания, а как уничижительно-пренебрежительное прозвище, данное русскими соседями. Наконец, на восточной окраине вепсского ареала, в глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где этнические контакты были ограничены, используется словосочетание *ičemoi rahvaz* 'свой народ'¹, язык, соответственно, *ičemoi kel* 'свой язык'. Как название языка оно известно большинству средневепсских говоров, как восточных, так и западных.

В бытовании этнонимов просматривается, таким образом, довольно четкая граница, разделяющая ареалы *vers-* и *lūdi-*, из которых первый бытует у южных вепсов, а второй – у средних (западные говоры) и северных. При этом, однако, переходные средневепсские говоры, граничащие с южными, формируют с последними единый ареал *vers-*. Видимо, не случайно граница этнонимных ареалов накладывается на административную границу, разделявшую в прошлом Олонецкую и Новгородскую губернии, соответственно Лодейнопольский и Тихвинские уезды, начало формирования которой относится к XVIII в. Надо полагать, что устойчивые административные границы служили своего рода рубежами при оформлении этнонимических ареалов, даже при том, что рождение последних и восходит к более раннему времени. Обусловленность

¹ Соплеменника здесь могут называть также просто *tähine*, *tägalaine* 'здешний', а его язык характеризовать словами *meide kartte pagižeb* 'по-нашему говорит', *ičemoi keliüu pagižeb* 'на своем языке говорит'.

этнонимических ареалов традиционным административным членением подтверждается и бытованием в качестве самоназвания термина *čuharid* в пределах Тихвинского уезда, где он широко известен в территориально смежных русских говорах.

Как сложились эти карты и отраженная на них ареальная дистрибуция? Далее предложена попытка реконструировать более ранний срез ситуации.

Этнонимическая карта: исторический срез

Во-первых, надо учитывать, что *lūdi*- на самом деле существует в более широком контексте, поскольку это одновременно и самоназвание карелов-людиков (*l'üüd'i*, *l'üud'i*, *l'üüd'ikuo*, *l'üudiköi*, *l'üüdilaazed* и другие модификации) [см.: Pahomov, 2017, s. 82–87] и карелов-ливвиков (*livvi*, *livviköi*, *liügiläne* и др.) [напр.: Grünthal 1997, s. 76], проживающих на водоразделе Онежского и Ладожского озер, исторически входившем в вепсский языковой ареал. На этнонимической карте они совместно формируют единый ареал, тяготеющий к р. Свирь, которая была основной водной артерией в этом регионе. Привязка к Свири, видимо, имеет историческую подоплеку. Считается, что у этнонима новгородские корни и он восходит к др.-рус. *люди*, *людин* ‘свободный человек; обычный горожанин в противовес знатному сословию’ [Фасмер; SSA]. Можно полагать, что он распространился по Свири вместе с новгородским освоением и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Такая схема укладывается и в этноисторический, и в историко-языковой (наличие вепсского субстрата в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка) контекст.

Сложнее с этнонимной основой *veps*-, у которой тоже есть более широкий контекст за пределами южновепсского ареала. Исторически термин явно имел более широкое бытование. Об этом свидетельствует, например, то, что паданские карелы называют вепсами (*vepsäläised*) своих южных соседей – карелов-людиков. В районе людиковской-собственно карельской границы в северо-западном Обонежье сосредоточена и группа топонимов с основой *veps-/venc*-, отмечающая границу былого распространения здесь вепсов [Муллерен 2002: 163].

Следы этнонима обнаруживаются и в топонимии восточного Обонежья [Соболев, 2015, с. 460], а также в Северо-Западном Приладожье – и шире – восточной Финляндии, где *vepsä*- хорошо известно также в качестве антропонимной основы, закрепившейся в целом ряде финских фамилий [SN, 2000]. Финский этнограф Нийло Валонен был склонен связывать распространение здесь этнонима с вепсской экспансией [Valonen, 1980, s. 74], что, однако, не находит убедительных лингвистических и археологических подтверждений. В связи с этим интересно предположение о ливвиковском посредничестве в распространении названий, особенно таких, в которых выступает вариант *vepsu*- [Grünthal, 1997, s. 101]. Обратное направление миграции этнонима – с территории юго-восточной Финляндии в Присвирье – предполагает российский исследователь В. Напольских [Напольских, 2007], что также выглядит дискуссионным.

Карта взаимного положения исторических ареалов этнонимов *вепсы* и *людики* показывает, что название *вепсы* сохранилось прежде всего в отдаленных от свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге. Иначе говоря, новгородская миграция первых веков второго тысячелетия н.э., продвигавшаяся вдоль Свири, разделила единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения карельского освоения из Северо-Западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизированных вепсов – ливвиков и людиков.

Традиционно считается, что в летописи XII в. вепсы известны и как *чудь* и *весь*, а функционирование двух терминов связано с тем, что западная часть вепсской территории тяготела к Приладожью (*чудь*), в то время как восточная – к Белозерью (*весь*). При этом, однако, в Белозерье отсутствует ранняя собственно вепсская топонимия, тогда как в изобилии представлены доприбалтийско-финские модели, а редкие прибалтийско-финские существенно отличаются от собственно вепсских [Захарова и др., 2016]. В совокупности с рядом других обстоятельств, в частности, слабое представительство этнонима в прибалтийско-финских языках, наличие в белозерских вепсских и русских говорах специфической лексики, такая языковая ситуация позволяет высказать предположение о том, что этноним *весь* «Повести временных лет» мог обозначать первоначально «весское»

население региона и перешел на вепсов в ходе продвижения последних на восток. Следы этнонима в этнонимическом функционировании и топонимии в северо-западном Обонежье, а также в Северо-Западном Приладожье могут быть рудиментами прежнего ареала как самого этнонима, так и называемого им этноса. В русле современных представлений о формировании этноязыковой карты территории российского Северо-Запада язык последнего можно квалифицировать как западноуральский – общий предок мордовских, саамских и прибалтийско-финских языков [Häkkinen, 2009; Kallio, 2015]. Южновепское самоназвание *vepslaane* в этом контексте является продолжением древнего западноуральского этнонима.

Неофициальные русские именования вепсов

На неофициальном уровне русские соседи называли вепсов *чухарями* – прежде всего южных вепсов, а также *кайванами* или *кайбанами*. Между этими этнонимами тоже существует явная ареальная дистрибуция. Термин *чухари* бытовал, прежде всего, на южной окраине вепсской территории. Можно полагать, что он проник на восток по тому маршруту, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья. Исследователи XIX в. привязывают его бытование к Тихвинскому уезду Новгородской губернии [см., напр.: Никольский, 1895]. Собственно, вепсские карты полностью согласуются с этим, отражая проникновение русского названия в вепсские южные и переходные говоры – на территории исторического Тихвинского уезда.

В свою очередь, этноним *кайваны* или *кайбаны* имеет, видимо, белозерские истоки. Он используется, прежде всего, применительно к вологодским вепсам, на восточной окраине вепсской территории. Помимо пондальско-куйских и шимозерских вепсов, им называли вепсов, населявших теперь уже обрусевшие поселения в верховьях Суды, а также проживавших в Исаевской волости, на северо-восточной границе Белозерья. *Черноухими кайванами* называли жителей Андомского края – деревень Сойдозеро и Ладвозеро [Логинов, 2001, с. 367]. Этноним проник и в верхнее Присвирье. С точки зрения традиционного административного членения это Белозерский уезд Новгородской губернии и Вытегорский уезд Олонецкой губернии. Впрочем, надо полагать, что, как и в случае с дистрибуцией терминов *veps-* и *lüdi*, административные границы XVIII–XIX вв. лишь в

какой-то степени стабилизировали ареалы отдельных этнонимов, которые имеют более глубокие исторические корни и связаны, видимо, с разными маршрутами русского продвижения в ареал вепского расселения: *кайваны* из Верхневолжья и расположенного на этом маршруте Белозерья к Онежскому озеру, *чухари*, за которыми стоит историческая *чудь*, из Новгородской округи по водно-волоковым путям в Верхневолжье, в том числе в Белозерье и далее на восток. Именно на такие пути проникновения терминов *чухари* и *кайваны* в вепское Межозерье указывает этнонимическая ситуация верхней Суды, где в районе впадения в нее притоков Колошма и Ножема еще до середины XX в. располагались вепские поселения, ныне полностью обрусевшие. Здесь, собственно, столкнулись два этнонима: с одной стороны, пришедший с запада, с рек Лидь и Колпь *чухари*, а с другой – *кайбаны*, проникший из Белозерья вверх по Суде. При этом в верховьях рек Колошма и Ножема известны *чухари*, а в низовьях, как и на самой Суде, – *кайбаны* [Муллерен, 2006].

В Присвирье источниками конца XIX в. зафиксировано еще одно локальное именование вепсов – *кайка*, *кайки* ‘насмешливое прозвище вепсов’ [СРНГ]. Фасмер со ссылкой на Я. Калима предлагает для *кайки*, пожалуй, избыточно академическую этимологию, исходящую из якобы народно-этимологической интерпретации приб.-фин. лексемы *kaikki* ‘все’ как перевода древнего этнонима *весь* [Фасмер]. Скорее, следует обратить внимание на *кайка* ‘бранное слово’ в Каргополье, олонецкое *кайга* ‘об упрямом, несговорчивом человеке’, которые могут восходить к глаголам кайковать ‘говорить’, кайкать ‘говорить громко, возбужденно; судачить’ [СРНГ], имеющих, в свою очередь, прибалтийско-финские истоки.

Выводы

Этнонимическая пестрота имеет глубокие исторические корни. Как в самоназваниях, так и в названиях вепсов, данных русскими соседями, налицо ареальная дистрибуция, которая связана с тем, что вепская этническая территория располагалась на транзитных водно-волоковых путях. Результатом являлось ее вхождение на протяжении длительного времени в разные зоны притяжения, что, в свою очередь, приводило и к разным именованиям. Топографическая карта, расположение водных путей имело своим следствием

формирование административной карты: от княжеств и пятин до губерний, а затем и областей. Административная разобщенность вепских территорий сопровождалась этнонимической неоднородностью, в ряде случаев границы этнонимических ареалов совпадают с губернскими границами XVIII–XIX вв.

Просматривается отчетливая тенденция перехода названия, данного соседями, в самоназвание. Так, очевидно, произошло в свое время с этнонимом *людики*, первоначально использовавшимся новгородцами применительно к вепсам Присвирья, а затем ставшего самоназванием. Так случилось и с этнонимом *чухари*, которое стало для части южным вепсов самоназванием, при том, что другие воспринимают его как уничижительное. Термин *кайваны* или *кайбаны* сохранил для вепского населения статус уничижительного прозвания, данного русскими соседями, возможно, в силу слабых русских контактов, и не перешел в самоназвание. Тут, на восточной окраине вепского этноязыкового ареала, собственно, и нет самоназвания в традиционном смысле, используется определение *ičemoi rahvaz* ‘свой народ’.

Что же касается выдвигаемых в литературе этимологий этнонимов, называющих вепсов, все они в той или иной степени спорны. Относительно устоявшимися выглядят интерпретации этнонимов *людики*, упомянутая выше, и *чухари* – как образование от основы *чудь*, в интерпретации которой принято исходить из ее германских корней и древнерусского посредства. В соответствии с ней этноним был привнесен на территорию Верхней Руси славянами. Последние усвоили его в древности в результате контактов с германцами: прагерм. **Þiudō* ‘народ, люди’ > др.-слав. **tjud* ‘чужой народ’ [Бубрих 1947: 22–26], а затем, переселившись в Приильменье и на Волхов, стали использовать его применительно к тамошнему местному прибалтийско-финскому населению. По мере древнерусского освоения Севера ареал употребления этнонима расширился, включив в свою орбиту целый ряд этносов.

Неубедительно обсуждаемое в литературе сопоставление *кайванов* как с *квенами*, так и с *колбягами* (на уровне этнонимов). Скорее, следует обратить внимание на русское диалектное *кайбовать* ‘рассуждать, судачить’ черепов., ‘беседовать’ осташк., ярослав., ‘говорить’ пошехон. [СРНГ].

Наиболее сложен в своих этимологических истоках этноним *вепс*. Если исходить из того, что другие этнонимы, называющие вепсов, восходят не к вепсскому языку, как, собственно, и должно быть в соответствии с универсальной закономерностью происхождения этнонимов в языке смежно проживающего населения, истоки этнонима *вепсы* тоже следует искать в языках соседей. Наиболее обсуждаемая этимология связывает его с саам. *væk'se* ‘плавник рыбы’, у нее есть и свои сторонники [SKES], и противники [SSA]. При этом у исследователей практически не вызывает сомнения, что летописный этноним *Весь* связан с современным названием *вепсы* [напр.: SSA].

Литература

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики, 2016. Т. 13. № 1. С. 7–29.

Лесков Н. Отчет о поездке в Чудской край. (Олонецкой губ., Лодейнопольского уезда) в 1894 г. // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 1–13.

Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографического Заонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia. Северо-Запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 360–369.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.

Муллонен И. И. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: история, культура, современность. Мат-лы науч.-практ. конф. Вологда, 2006. С. 63–72

Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.

Никольский Д. П. Кайваны или чухари // Живая старина. 1895. Вып. 1. Отд. 1. С. 14–16.

Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1989.

СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен И. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.

Соболев А. И. Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 438–508.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43). М.; Л.; СПб. : Наука, 1965. Вып. 1.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. М.: Прогресс, 1986.

Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit. Helsinki, 1997 (Castrenianumin toimitteita 51).

Häkkinen J. Kantauralin ajoitus ja paikannus: perustelut puntarissa // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 2009. 92, S. 9–56.

IMS – Inkeroismurteiden sanakirja / Toimittanut R.E. Nirvi. Helsinki, 1971 (LSFU XVIII).

Kallio P. 2015. The language contact situation in prehistoric northeastern Europe // Linguistic roots of Europe: origin and development of european languages. Robert Mailhammer & Theo Vennemann (eds.). København: Museum Tusculanum Press. 2015. P. 77–103.

Pahomov M. Lyydiläiskysymys: kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki, 2017.

SN = Sirkka Paikkala & Pirjo Mikkonen. Sukunimet. Uudistettu laitos. Helsinki, 2000.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / Toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XII).

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556.)

Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. 1980. 10. S. 21–98.

Нумерация вепских пунктов (по диалектам), использующаяся на диалектных картах

Северновепский диалект:

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Išan' (Ишанино), Прионежский р-н, Республика Карелия.
3. Vehkoja (Вехручей), Прионежский р-н, Республика Карелия.
4. Naršom (Габшема), Прионежский р-н, Республика Карелия.
5. Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.

6. Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.

7. Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия.

8. Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, Республика Карелия.

9. Mägi (Горнее Шелтозеро), Прионежский р-н, Республики Карелия.

10. Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, Республика Карелия.

11. Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.

12. Toižeg (Другая Река), Прионежский р-н, Республика Карелия.

13. Kaskezoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия.

14. Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

15. Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

16. Himd'ogi (Гимрека), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

17. Kal'1' (Щелейки), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

Средневеппский диалект (западные говоры):

18. Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

19. Pečal (Печеницы), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

20. Čikl (Чикозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

21. Karhil (Каргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

22. Nügl (Ниргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

23. Kuzga (Кузга), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

24. Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

25. Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

26. Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

27. Koskenpä (Надпорожье), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

28. Vil'häl (Ярославицы), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

29. Sarjärv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

30. Rihaluine (Подовинники), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

31. Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

32. Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

33. Ladv (Ладва), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

34. Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

35. Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.

36. Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

37. Korbal (Корбеницы), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

38. Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

39. Haragl (Харегеницы), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

40. Nügl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

41. Rebagi (Ребов Конец), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

42. Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

43. Čidoi (Чидово), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
44. Korval (Корвала), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

Средневеппский диалект (восточные говоры):

45. Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šatjärv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
47. Šimgär' (Шимозеро-Сюрья), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
48. Püutkask (Пелкаса), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
49. Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
50. Sär gjärv (Сяргозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
51. Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
53. Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
54. Kuja (Куя), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
55. Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
56. Pāžar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
57. Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.

Южновеппский диалект:

58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Laht (Лахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
60. Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
61. Čaigl (Чайгино), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
62. Sar' (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
63. Peloo (Пелуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
64. Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
65. Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
66. Bušak (Бошаково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
67. Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
68. Sirj (Перелесок), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
69. Maslagj (Маслозеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
70. Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
71. Tedroo (Тедрово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
72. Maigär' (Боброзеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
73. Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
74. Arskaht' (Радогощь), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
75. Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.